

Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность¹

Анна Стрельникова*

В статье рассматриваются особенности изучения социальной мобильности применительно к географическим перемещениям (переезды из одного населенного пункта в другой, переезды внутри города и др.). Автором предпринята попытка представить особенности таких перемещений в качестве важного структурообразующего элемента индивидуальных и семейных биографий, в которых, в свою очередь, отражается субъективное восприятие результатов социальной мобильности. Статья базируется на результатах авторских эмпирических исследований, а также на вторичном анализе материалов проекта «Век социальной мобильности в России».

Ключевые слова: городское пространство, социальная мобильность, пространственные практики, «биографическая прогулка», вторичный анализ данных

Описание мобильности через проживаемый опыт перемещений

Географические перемещения индивидов или перемещения в физическом пространстве (переезды из одного населенного пункта в другой, переезды внутри города) всегда являлись предметом особого интереса в городских исследованиях (urban studies). Этот интерес относится не только к объективным характеристикам перемещений (частота, интенсивность), но также и к субъективным параметрам, таким, как накопление и передача опыта, связанного с перемещениями, и встраивание этого опыта в биографический проект. Поскольку люди в течение своей жизни выстраивают отношения с меняющимися местами обитания, восприятие этих мест несет в себе оценку этих перемещений: «смысл места меняется, и память о нем остается тогда, когда собственно происходящее имеет уже совсем иной смысл» (Филиппов, 2008, с. 250).

Для нашей исследовательской «рамки» мы считаем приоритетными концепты *повседневности, субъективного восприятия прошлого и настоящего* в пространственной среде. В частности, это проблематизация «естественного» (обжитого и осмысленного) устройства города или иного населенного пункта, которое воплощено в структурах пространства, а также в ментальных и телесных схемах его обитателей. Это описание повседневных пространственных практик и тех жизненных траекторий, которые вычерчиваются с течением времени при регулярном воспроизводстве этих практик. По мнению Э. Амина и Н. Трифта, повседневный опыт перемещений было бы перспективно описывать через такие конструкты, как пористость (транзитивность, открытость новому),

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН. astrelnikova@hse.ru.

наличие ритмов городской жизни и отпечатки следов как пространственно-временная ось мобильности (Амин, Трифт, 2002).

В данной статье мы рассматриваем проблематику мобильности, которая связана с географическими перемещениями индивидов. Мы считаем, что, становясь *проживаемым опытом перемещений*², мобильность превращается из географической в социальную: будучи мобильными, люди накапливают определенный опыт субъективных описаний для каждого пункта своих перемещений, причем этот опыт накладывается на личные и семейные биографические сюжеты и меняет их. Это приводит нас к исследовательским вопросам о восприятии места своего проживания и окружающего пространства (иерархизированного и многомерного) в различных жизненных ситуациях, о влиянии населенного пункта и всей его инфраструктуры на биографические «повороты» и «перекрестки», т. е., в конечном счете, о проекции жизненных траекторий на физическое (географическое) пространство и о влиянии географического «вектора» мобильности на различные события жизни³.

Используемые методы и данные

Для анализа пространственной составляющей в описании мобильности мы обратимся к результатам собственных исследований с использованием метода биографической прогулки⁴ (Стрельникова, 2012), а также к материалам проекта «Век социальной мобильности в России» (Судьбы людей: Россия XX век⁵, 1996), где в качестве метода сбора данных выступали биографические интервью с представителями нескольких поколений одной семьи. Ниже кратко представлены ключевые характеристики этих методов.

Биографическая прогулка — это метод, в котором биографическое интервью, как реконструкция жизненного пути в целом или отдельных этапов жизни, комбинируется с включенным наблюдением, проводимым во время прогулки по определенным городским маршрутам. Сначала с респондентом проводится первичное интервью, в котором задаются вопросы о городе проживания, о восприятии различных частей городского пространства, о поведенческих стереотипах в прошлом и настоящем. Определяются привычные городские маршруты, по которым респондент перемещался в молодости, фиксируется общее отношение к городу на тот момент, обсуждаются практики появления любимых и нелюбимых мест в городе. По итогам интервью выбирается одно из городских мест, в котором затем проводится прогулка респондента и интервьюера, которая дополняется

² М. де Серто называет повседневные перемещения пространственными практиками, уточняя, что в них категория пространства дополняется категорией времени, причем обе категории имеют субъективный характер (см.: Серто, 2010).

³ Отдельной непростой задачей является поиск и верификация «единиц измерения» для отображения жизненных траекторий как восходящих или нисходящих, крутых или сглаженных. Например: «Как и на каком расстоянии, например, в измерении «Брак», определить положение мужчины, находившегося в настоящий момент в первом браке, относительно его холостого состояния или в момент развода после первого брака?» (Судьбы людей: Россия XX век, 1996, с. 414–415). Понимая всю методическую сложность данного вопроса, мы выносим его за рамки данной статьи.

⁴ Было проведено 19 биографических прогулок с жителями г. Москвы в возрасте 50 лет и старше. При отборе респондентов мы не ставили перед собой цели репрезентировать все население данной возрастной группы. Однако респонденты подбирались таким образом, чтобы по возможности охватить жителей центральных и окраинных районов, коренных жителей и приезжих, различающихся по образованию и по другим статусным характеристикам.

⁵ В данной монографии представлены некоторые результаты проекта «Век социальной мобильности в России», который проводился сотрудниками Института социологии РАН (В. Семенова, Е. Рождественская и др.) в сотрудничестве с французским социологом Д. Берто. Отбор респондентов осуществлялся среди возрастной когорты 1965–1967 годов рождения участников лонгитюдного проекта «Пути поколения России» (М. Титма, В. Семенова, Л. Коклягина), обеспечивая, тем самым, аналитическую и методическую преемственность и взаимодополняемость данных. Также при отборе респондентов учитывалась гетерогенность относительно принадлежности к различным социальным стратам.

вторым интервью (во время прогулки или по ее окончании). В ходе прогулки фиксируется то, как респондент описывает изменения городского пространства, свои ощущения от любимого ранее места в городе, событийный ряд, который ассоциируется у респондента с местом прогулки, другие впечатления о городе, также уточняются и дополняются все основные сюжеты из первичного интервью. Таким образом, идея метода заключается в постепенном разворачивании биографии индивида с помощью прогулки, которая позволяет реконструировать прошлое в пространственно-телесном опыте.

Как замечает Б. В. Голофаст, «если история жизни излагается в горизонте обыденного сознания, то требуется подчас значительное усилие даже для обнаружения или осознания изменившегося порядка вещей» (Голофаст, 1995, с. 75). Поскольку повседневные общение само по себе не располагает к детальным повествованиям о событиях прошлого, исследователю приходится искать методические приемы, которые выступили бы в роли биографического импульса. Одним из удачных приемов мы считаем биографическую прогулку, в ходе которой пространственные схемы дополняют биографический подход через телесное погружение в прошлое.

Что касается проекта «Век социальной мобильности в России», в нем была реализована качественная исследовательская стратегия (пионерская на тот момент для российской социологии как по методологическим основаниям, так и по масштабности), включающая в себя многоэтапный анализ семейных жизненных траекторий. В ходе проекта для реконструкции истории семьи на протяжении нескольких поколений исследовательским коллективом было собрано и проанализировано более 120 биографических интервью из 68 семей. В этих интервью раскрываются вопросы принятия решений в различных жизненных ситуациях, даются описания стартовых и текущих статусных позиций индивидов и членов их семей — словом, отражена субъективная картина событий жизни и эмоций, с ними связанных. При этом исследователи предприняли попытку анализа сведений не только о самом информанте, но также обо всем «расширенном семейном клане» родственников (двоюродные братья и сестры, дяди и тети и др.), в результате «каждая история описывает траектории жизни 20–30 членов семьи» (Судьбы людей..., 1996, с. 10). В монографию «Судьбы людей: Россия XX век» были включены семейные истории, отражающие как уникальный опыт, так и типичные для своего времени стратегии семей.

Освоенное пространство как результат географической мобильности

В наших биографических прогулках проблематика мобильности в биографии индивида акцентировалась через различные мета-сюжеты (жизненные «повороты» и «перекрестки»), которые, так или иначе, проявлялись в каждом интервью. Это практики переездов (в город или внутри города), опыт перемещений на всевозможном транспорте, опыт длительных пеших прогулок, появление ориентиров в освоенном пространстве.

Сюжеты интервью, посвященные переездам, наиболее интересны с точки зрения анализа траекторий мобильности. Так, в ходе описания переезда в Москву из пригорода или из другого населенного пункта обычно проговариваются изменения привычного жизненного уклада, а также появление различных возможностей, недоступных ранее. Кроме того, подобные сюжеты позволяют увидеть не только само это событие глазами респондента, но и систему аргументации, которую применяет рассказчик при выражении своего отношения к «старому» и «новому» положению в пространстве:

«А когда мы переехали, сломали этот дом... мы переехали в новый. Мне было дико, что для того, чтобы выкинуть мусор на площадке, я должна была надевать на себя что-то приличное» (ж., 55).

Обсуждение опыта использования городского транспорта и пеших прогулок наглядно показывает, что в течение жизни человек не только перемещается в пространственной среде, но и формирует свое отношение к ней:

«Выезжать из своего района стала регулярно с 11 лет, ездила в гости к бабушке в Подмосковье через весь город. Мне очень нравилось! Целых два часа, и я искала новые маршруты, пересаживалась на разные трамваи, было интересно. Вот сначала на 1-м, потом на 49-м, потом на 12-м, потом уже на электричку» (ж. 64),

«Как-то мы росли с Москвой. Например, вот все какие-нибудь новые стройки. Новый Арбат, например. Мы были школьниками. Мы следили, мы знали всегда, какие новые районы появляются, какие новые здания появляются, мы гуляли по городу. Вот. И как-то успевали с ним расти» (м., 59).

Можно сказать, что переезд становится переломной точкой не только в личной биографии, но и в ее пространственном воплощении. Новый район проживания постепенно наполняется событиями и эмоционально окрашенными смыслами, в то время как визиты в места, значимые в прошлом, могут восприниматься обезличенно, т. к. уже произошло застывание образа городского пространства таким, каким он теперь не является:

«стали выпячиваться эти высотки... понастроили» (м., 51),

«Практически не осталось ни одного старого дома. Всё сломано, либо реконструировано так, что трудно понять, что здесь было когда-то... это не моя Москва» (ж. 50).

Некоторые наши информанты признавались, что им теперь не очень хочется выезжать «в Москву» из своего отдаленного района, а также не хочется ориентироваться в изменениях пространства столицы:

«ну разве что по делу... и быстрее обратно» (м., 51),

«постепенно привыкаешь: дом — работа... особенно ориентироваться не нужно» (м., 55),

«В общем-то я могу сказать, что я уже половину Москвы не знаю» (м., 53).

Это согласуется с представлениями П. Сорокина о том, что при уменьшении возможностей для любой формы мобильности поведение человека становится ригидным, непластичным, однообразным, и он «...обречен думать и смотреть на мир сквозь очки своей «социальной ячейки»... уединение внутри своей социальной ячейки удерживает его от того, чтобы овладеть гибкими и разнообразными взглядами, более широкими перспективами ума» (Сорокин, 2004, с. 102–103). Т. е. в данном случае «застывание» жизненной траектории на какой-то определенной социальной позиции влечет за собой и снижение или полную утрату потребностей в географической мобильности.

Реализация новых возможностей в пространстве как результат социальной мобильности

Можно сказать, что географическое пространство раскрывается параллельно с сюжетами биографии: осваивается определенный этап жизни — осваивается и территория. Карта освоения города (или иного населенного пункта)⁶ у коренных жителей прорисовывается от мест детских прогулок («сюда мы ходили с мамой») к местам романтических

⁶ В ходе наших биографических прогулок рассматривалось освоение городского пространства (на примере г. Москвы).

встреч («*вот на этой лавочке сидели с будущим мужем*»), от мест учебы («*открыла район Полянки-Ордынки, когда поступила в училище*») — к местам работы, потребления и т. д.

Карта освоения города у приезжих начинается с тех элементов пространства, которые оказались актуализированы в первое время после переезда, и некоторое время эти элементы служат опорными точками среди чужого и неизвестного. Это вокзал или иной транспортный узел как символические «ворота» в новую жизнь, символы центра города, жилье (квартира, общежитие), место работы или учебы.

В проекте «Век социальной мобильности в России» в истории Кантеровичей (Судьбы людей..., 1996, с. 15–41) можно обнаружить сложнейший рисунок географических перемещений, который проецировался на жизнь семьи. Многочисленные переезды членов семьи были связаны как с восходящей мобильностью (получение образования в другом городе, повышение по карьерной лестнице, получение собственного жилья), так и с нисходящей (репрессии и длительная жизнь на «комсомольских стройках», вынужденный уход с работы из-за недоброжелательности и доносов, неравные браки, лишение прописки). Столь динамичная картина перемещений была связана с необходимостью выживания семьи в сложнейших условиях, от утраченных благополучных дореволюционных позиций семьи до изначально враждебного к «бывшим» социалистического общества. Фактически, возможность дышать «различным социальным воздухом» позволила семье Канторовичей непрерывно получать новый опыт и приспосабливаться к меняющимся условиям жизни. П. Сорокин называет таких мобильных индивидов «туристами», которые путешествуют по различным социальным ячейкам, не собираясь останавливаться надолго ни в одной из них (Сорокин, 2004, с. 107).

На микроуровне можно оценить комфортность пребывания в городе и степень включенности человека в его жизнь (а следовательно, и эффективность мобильности) по появлению любимых городских мест и других ориентиров. До тех пор, пока их нет, город является чужим, или, если применить метафору К. Линча о читаемости городского пространства (Линч, 1982), «непрочитанным»:

«Здесь мы жили, Черемушки. Здесь работа дядина, я знала, что она на севере. Ну вот, собственно, и все. Больше я ничего в Москве не знала» (ж., 52).

В проекте «Век социальной мобильности в России» в истории семьи Шинелевых (Судьбы людей..., 1996, с. 70–99) также можно увидеть пример подобной «непрочитанности», которая сохранялась вплоть до конца жизни мигрантов. Согласно материалам интервью, мигранты-крестьяне после переезда сохранили свой привычный уклад жизни, в то время как город с его развлечениями, культурными ценностями, окружением остался для них чужим. Переезд, конечно, был значимым событием в их биографиях и принес множество изменений. Во-первых, появилась новая работа — неквалифицированная и тяжелая, однако приносящая деньги, в отличие от колхозных трудодней. Во-вторых, произошел переезд в новое жилье — в рабочее общежитие, и, со временем, им удалось получить собственные квартиры. Затем в биографию добавлялись такие этапы, как получение базового профессионального образования, создание семей, рождение детей. Однако на фоне всех указанных изменений, субъективно для самих мигрантов город мог остаться неосвоенным:

«прожив почти 40 лет в Москве, она не знала, с кем водить дружбу. Ее интересовала только семья, родственники. Она не ходила ни в театры, ни на концерты, ни на выставки. Не любил там бывать и ее муж, хотя он и стал инженером» (Судьбы людей..., 1996, с. 88).

Однако подобная неосвоенность не помешала переехавшим в город крестьянам сформировать четкую образовательную стратегию для своих детей. Крестьяне-мигранты

были нацелены реализовать новую возможность, которую предоставила им географическая мобильность: дать детям высшее образование. Несмотря на то, что оно воспринималось родителями инструментально, как способ избавления детей от физического труда, сам факт появления этой возможности (и ее последующая реализация) говорит о том, что посредством миграции в город менялся социальный статус семьи, причем более высокая статусная ступенька служила стартом для детей — второго поколения горожан. В результате географическая мобильность имела «отсроченный» эффект, обеспечив формирование новых стартовых позиций для детей мигрантов через образование.

Заключение

Таким образом, пространственные «точки» становятся точками в рисунке жизненной траектории и отражают результаты социальной мобильности, будь то переход в статус горожанина или внутригородской переезд, связанный с изменением семейного статуса.

Одной из характеристик биографического повествования является детализация рассказа, подразумевающая осознанную (со стороны рассказчика) необходимость в уточнении тех или иных сюжетов биографии через соотнесенность со временем и пространством. Таким образом, время и пространство могут выступать в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, что позволяет говорить о возможности анализа городских биографий, или биографий, насыщенных пространственными практиками. Точками отсчета в городской биографии могут служить переезды, первые самостоятельные перемещения по городу, утрата или обретение жилья и другие уникальные эпизоды житейского опыта, то есть ситуации перехода «состояние-событие-состояние». Важно отметить, что «интервалы» между этими яркими точками заполняются обычными, повседневными событиями, которые также могут стать объектом интереса социолога, и которые без подобных переходных ситуаций, возможно, не оказались бы актуализированными в рассказе о жизни.

Литература

- Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города / Пер. С. П. Баньковской // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–233.
- Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.
- Серто М. де. Практика повседневной жизни. Пространственные практики / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. 2010. № 1 (20). С. 151–184.
- Сорокин П. А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию / Пер. с англ. М. В. Соколовой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2 (70). С. 101–110.
- Стрельникова А. В. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // Современная социология — современной России: Сборник статей VI международной научно-практической конференции памяти А. О. Крыштановского / под ред. А. Б. Гофмана, Г. В. Градосельской, И. Ф. Девятко, Д. Х. Ибрагимов, И. М. Козиной, Л. Я. Косалс, В. А. Мансурова, В. Г. Николаева, О. А. Оберемко, Н. Е. Покровского, Ю. Н. Толстой, А. Ю. Чепуренко, Е. Р. Ярославской-Смирновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 665–672.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: ИС РАН, 1996.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008.